

В. И. Шишкин

Институт истории СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: patric@academ.org

ВОЕННЫЙ И МОРСКОЙ МИНИСТР ВРЕМЕННОГО ВСЕРОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАК *

Большой интерес, проявленный постсоветской отечественной историографией к личности А. В. Колчака, если оценивать ситуацию строго формально, дал положительные результаты. К настоящему времени имеются десятки статей и документальных публикаций, а также несколько монографий, посвященных различным периодам, основным направлениям и даже отдельным эпизодам его жизнедеятельности. Совершенно естественно, что наибольшее внимание историки уделили таким ключевым этапам биографии А. В. Колчака, как участие в Полярной экспедиции барона Э. Толля, в русско-японской и Первой мировой войнах и особенно – деятельности на посту Верховного правителя России [1–15].

Тем не менее в биографии А. В. Колчака остаются лакуны, которые без всякого преувеличения можно назвать существенными. Пожалуй, главной и самой странной из них является короткий промежуток времени с 4 по 17 ноября 1918 г., когда А. В. Колчак занимал пост военного и морского министра Временного Всероссийского правительства (Директории). Любопытно, что в монографиях К. А. Богданова и И. Ф. Плотникова имеются даже специальные разделы, называющиеся соответственно «Военный и морской министр» в первом случае и «Омский министр» – во втором, но в них нет ни одного факта о деятельности А. В. Колчака на министерском посту.

Последнее обстоятельство убедительно свидетельствует о том, что историки не знают, чем занимался в это время А. В. Колчак. Конечно, можно предположить, что лакуна в биографии адмирала возникла совсем не случайно и объясняется тем, что военный и морской министр абсолютно ничего не делал. Однако такая гипотеза плохо коррелируется с последующими событиями, по итогам которых А. В. Колчак оказался Верховным правителем России. Разобраться в возникшем историографическом парадоксе и заполнить существующий пробел в биографии А. В. Колчака – таковы цели настоящей статьи.

Нужно признать, что восстановить деятельность А. В. Колчака во время его пребывания на министерском посту очень сложно из-за малочисленности относительно достоверных архивных источников, а также из-за противоречивости и откровенной тенденциозности большинства мемуаров, написанных соратниками бывшего Верховного правителя России. Немало элементарных фактических ошибок и односторонних интерпретаций содержат показания самого А. В. Колчака, данные им в конце января – начале февраля 1920 г. в Иркутске чрезвычайной следственной комиссии, которые некритически использует большинство исследователей в качестве важнейшего источника. Однако этот двухнедельный отрезок исключительно важен для понимания личности А. В. Колчака:

* Статья подготовлена при финансовом содействии РГНФ (проект № 07-01-00751а).

его характера, планов, поведения, мотивации поступков, средств достижения целей. Представляется также, что именно в этом периоде коренятся многие проблемы, трудности и неудачи, которые буквально с первых шагов преследовали А. В. Колчака на посту Верховного правителя России.

Напомним, что А. В. Колчак появился в Омске 13 октября 1918 г. За четыре дня до него, 9 октября, в Омск прибыло Временное Всероссийское правительство. Оно было избрано 23 сентября 1918 г. на проходившем в Уфе Государственном совещании в составе пяти человек: члена ЦК партии эсеров Н. Д. Авксентьева, члена ЦК конституционно-демократической партии Н. И. Астрова, одного из лидеров Союза возрождения России генерал-лейтенанта В. Г. Болдырева, председателя Совета министров Временного Сибирского правительства беспартийного П. В. Вологодского и председателя Верховного управления Северной области, члена ЦК трудовой народно-социалистической партии Н. В. Чайковского. Однако из-за отсутствия на месте Н. И. Астрова и Н. В. Чайковского реально вместо них приступили к работе в составе Временного Всероссийского правительства член ЦК конституционно-демократической партии В. А. Виноградов и член эсеровского ЦК В. М. Зензинов. До созыва Всероссийского Учредительного собрания Директория была наделена всей полнотой власти «на всем пространстве государства Российского». Другими словами, она являлась как бы коллективным диктатором на освобожденной от большевиков территории. Создание Временного Всероссийского правительства стало компромиссом в лагере контрреволюции между теми сторонниками народовластия и частью более «правых» элементов, которые разделяли платформу Союза освобождения России, но вызвало недовольство со стороны как более «левых», так и более «правых» политических сил. На состоявшемся в ночь на 24 сентября 1918 г. первом заседании Директории ее председателем был избран Н. Д. Авксентьев, а Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России – В. Г. Болдырев¹.

Первоочередной и важнейшей задачей Временного Всероссийского правительства после переезда из Уфы в Омск стало формирование отсутствовавшего у него исполнительного аппарата – Совета министров. На решение этой задачи ушло почти три недели напряженных консультаций и переговоров с Временным Сибирским правительством и его Административным советом. 4 ноября 1918 г. Временное Всероссийское правительство подписало указ, в котором определило персональный состав всероссийского Совета министров. Обязанности председателя Совета министров оно возложило на П. В. Вологодского, заместителя председателя Совета министров – на В. А. Виноградова, военного и морского министра – на А. В. Колчака². Причем инициатива назначения министром А. В. Колчака исходила от Н. Д. Авксентьева, а непосредственное предложение адмиралу сделал В. Г. Болдырев.

Еще до своего официального назначения на министерский пост А. В. Колчак развил в Омске высокую политическую активность, хотя такая деятельность явно противоречила одному из его собственных требований, заключавшихся в том, что армия и военные должны находиться вне политики. Между тем во время формирования всероссийского Совета министров именно А. В. Колчак наиболее решительно лоббировал продвижение на министерскую должность министра финансов Временного Сибирского правительства И. А. Михайлова, кандидатуру которого блокировало большинство членов Директории. И, напротив, он дольше всех противился назначению эсера Е. Ф. Роговского товарищем министра внутренних дел, едва не сорвав с большим трудом достигнутые договоренности. 1 ноября 1918 г. адмирал решительно отверг рекомендацию П. В. Вологодского взять себе в помощники командующего Сибирской армией и бывшего исполняющего обязанности управляющего военным ведомством Временного Сибирского правительства генерал-майора П. П. Иванова-Ринова. В результате по представлению А. В. Колчака его помощниками были назначены генерал-майоры Н. А. Степанов, В. И. Сурин и Б. И. Хороших. Наконец, еще до официального утверждения в качестве главы военного ведомства

¹ ГАНО. Ф. Д.-144., Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2; *Русский исторический архив*. Прага, 1929. Сб. 1. С. 247.

² *Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск)*. 1918. 6 нояб.

А. В. Колчак стал добиваться у Н. Д. Авксентьева и В. Г. Болдырева расширения компетенции военного и морского министра, судя по всему, претендуя на участие в разработке военных планов и руководстве боевыми операциями [16. С. 84–88; 17. С. 422–423; 24. С. 422–423]³. Все эти акции адмирала, немедленно становившиеся достоянием омского политического бомонда и военных кругов, носили провокационный характер. Они мешали молодой власти, подвергавшейся атакам «слева» и «справа», обрести уверенность в собственных силах и устойчивость. В то же время таким поведением А. В. Колчак как бы подавал сигналы «правым» и военщине, что в борьбе против Директории он является их союзником [18. С. 174–175].

В принципе деятельность любого министра Временного Всероссийского правительства включала в себя три основных обязательства: участвовать в заседаниях Совета министров и в обсуждении поставленных на них вопросов, руководить работой центрального аппарата и местных органов подведомственного ему министерства, а также осуществлять представительские функции.

5 ноября 1918 г. А. В. Колчак первый раз участвовал в заседании всероссийского Совета министров. Это заседание, на котором присутствовали также все члены Директории, носило ритуально-торжественный характер и как бы венчало собой усилия по конструированию новой верховной власти. На следующий вечер в честь образования всероссийского Совета министров Н. Д. Авксентьев дал в омском коммерческом клубе раут. Почти пять часов на нем звучали оптимистические речи отечественных и иностранных политиков и военных о создании русской армии и предстоявшей ей решающей роли в возрождении России. А. В. Колчак обратил на себя внимание присутствовавших тем, что, в отличие от всех выступавших, ограничился всего несколькими дежурными фразами. Как ни странно, не оказалось адмирала в компании нескольких русских генералов и английских офицеров, которые после ужина почти до двух часов ночи продолжали беседу у В. Г. Болдырева [16. С. 92]⁴.

7 ноября А. В. Колчак во второй и в последний раз участвовал в заседании Совета министров. Четыре из 19 стоявших в повестке дня этого заседания вопросов были инициированы военно-морским министерством: об утверждении штатов центрального управления военного ведомства, о порядке утверждения штатов морского ведомства, об учреждении должностей начальников военных районов и о введении в действие дисциплинарного устава 1869 г. В соответствии с установленным ранее порядком, Совет министров предоставил А. В. Колчаку право утвердить штаты центральных управлений военного и морского ведомств, а также поручил – совместно с представителями министерства юстиции и юрисконсультской части при Совете министров – переработать дисциплинарный устав 1869 г. «применительно к существующему государственному строю». Что же касается вопроса об учреждении должностей начальников военных районов, то по предложению самого А. В. Колчака он был снят с обсуждения⁵. Можно предположить, что причиной отзыва министром своего же представления послужило то обстоятельство, что постановкой этого вопроса А. В. Колчак явно вторгся в чужую компетенцию и тем самым нарушил прерогативы Верховного главнокомандующего.

В тот же день А. В. Колчак издал несколько своих первых приказов по военному ведомству: о расформировании военного министерства Временного Сибирского правительства, его структурных подразделений и Сибирского военно-судного управления; о временных органах центрального управления и распределении обязанностей между помощниками военного и морского министра; о нескольких кадровых назначениях в главном штабе, в управлении войсковых ремонтов и в управлении военно-учебных заведений; об организации совещания из представителей войсковых общественных самоуправлений казачьих войск; о командировке во Владивосток помощника военного и морского министра по организационно-инспекторской части Н. А. Степанова. Тогда же А. В. Колчак утвердил штаты главного штаба⁶. При этом обращает на себя внимание одна любо-

³ *Архив русской революции* / Изд. И. В. Гессена. Берлин, 1923. Т. 10. С. 284.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 64–65; *Вестник Временного Всероссийского правительства*. 1918. 9 нояб.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 42. Л. 70–72.

⁶ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 6–12; Д. 14. Л. 1.

пытная деталь. В подлинниках трех последних приказов (№ 5, 6 и 7), отданных 7–8 ноября, А. В. Колчак собственноручно вычеркнул слова «Военный и морской министр», обозначившие его тогдашний статус. Возникает вполне резонный вопрос о том, почему адмирал это сделал. Отсутствие источников не позволяет дать на него точный ответ, но можно высказать предположения в диапазоне от «сдали нервы» и «не устраивала занимаемая должность» до гипотезы о том, что адмирал уже «видел» себя в другой роли.

Хорошо известно, что А. В. Колчак был крайне недоволен тем наследством, которое досталось ему от военного ведомства Временного Сибирского правительства. «Положение военного министерства, – записал 5 ноября 1918 г. в своем дневнике В. Н. Пепеляев слова А. В. Колчака по итогам состоявшейся в этот день беседы с адмиралом, – сейчас невозможное – у него нет исполнительных органов»⁷. Причины такого положения А. В. Колчак, не разобравшийся в местной специфике, безоговорочно видел в некомпетентности и пассивности бывшего управляющего сибирским военным ведомством П. П. Иванова-Ринова и начальника его штаба генерал-майора П. П. Белова. На самом же деле эмбриональное состояние аппарата военного министерства объяснялось вполне осознанным решением, в соответствии с которым изначально должности командующего вооруженными силами и управляющего военным ведомством Временного Сибирского правительства находились в одних руках. Такое сосредоточение высшей военной власти, в свою очередь, позволяло иметь не два, а только один штаб – Сибирской армии, одновременно выполнявший функции главного штаба военного министерства. В условиях дефицита в Сибири офицеров Генерального штаба такой управленческий «ход» являлся вполне разумным.

Сделав всего лишь первые шаги по формированию центрального аппарата министерства, А. В. Колчак тем не менее принял очень странное решение. 9 ноября он выехал на фронт для инспектирования войск, передав исполнение своей должности помощнику по снабжению и технической части В. И. Су-

рину⁸. Тем самым формирование центральных органов военного ведомства, публично провозглашавшееся А. В. Колчаком первоочередным делом, откладывалось, поскольку из Омска выбыли его оба главных руководителя: сам министр и его первый помощник. К тому же А. В. Колчаку совершенно нечего было делать на фронте, поскольку оперативные вопросы не входили в компетенцию военного ведомства. Обязанности военного министерства заключались в решении совсем других задач: в формировании и комплектовании армии, в подготовке ее рядового состава и командных кадров, в обеспечении их вооружением, боеприпасами, обмундированием и продовольствием. О том, что фронтовые части плохо обеспечены всем необходимым, в Омске было прекрасно известно и без командировки военного министра.

Столь странное поведение А. В. Колчака – его отстраненность во время и после раута 6 ноября, неожиданный отъезд на фронт – вызывает удивление и нуждается в объяснении. Думается, что причины такого поведения можно понять только при одном условии: если поставить их в связь с деятельностью адмирала, не имевшей отношения к его прямым должностным обязанностям. Причем ключевое значение в разгадке будет принадлежать уже упоминавшейся встрече А. В. Колчака и В. Н. Пепеляева, состоявшейся 5 ноября 1918 г.

Напомним, что член ЦК партии кадетов В. Н. Пепеляев прибыл в Омск 1 ноября. За предшествующие полтора месяца он объехал Урал, Сибирь и Дальний Восток, восстанавливая связи с местными партийными организациями, выясняя их политические позиции и давая инструкции. В. Н. Пепеляев являлся ярким приверженцем необходимости установления на освобожденной от большевиков территории твердой единоличной власти. За несколько дней пребывания в Омске он сделал первые практические шаги, направленные на устранение от власти Директории и установление военной диктатуры. Ключевое значение имела договоренность В. Н. Пепеляева о совместных действиях в данном направлении с министром финансов И. А. Михайловым, имевшим большой авторитет в «правых», офицерских и казацких кругах.

⁷ Дневник Пепеляева // Красные зори. Иркутск. 1923. № 4. С. 85.

⁸ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

По свидетельству В. Н. Пепеляева, его беседа с А. В. Колчаком была продолжительной и интересной. В. Н. Пепеляев сразу же четко обозначил не только предмет разговора – необходимость установления на востоке России военной диктатуры, но и его цель – согласие А. В. Колчака стать диктатором. Адмирал, впервые видевший В. Н. Пепеляева, соблюдая правила политеса, на протяжении большей части разговора вел себя достаточно осторожно. В принципе он был не против диктатуры, но дал В. Н. Пепеляеву возможность «поуговаривать» себя принять роль диктатора. Начав с заявления о том, «в настоящее время нужно оказать поддержку [существующей] власти», А. В. Колчак затем вошел в предложенную роль и, по свидетельству В. Н. Пепеляева, «с большой решительностью» заявил: «Если бы я имел власть, то, объединившись с [бывшим Верховным главнокомандующим генералом М. В.] Алексеевым, бы отдал ее ему». Более того, во время изложения своих взглядов на единоличную военную власть адмирал сказал, что «если будет нужно, я готов принести эту жертву», т. е. стать военным диктатором. Правда, закончил А. В. Колчак разговор тем, с чего начал: «Власти нужно оказать поддержку»⁹. Имелась в виду существующая власть – Временное Всероссийское правительство. Но оба собеседника прекрасно понимали, что эта риторика является все лишь частью традиционного дипломатического этикета. В действительности принципиальная договоренность по главному вопросу – о необходимости свержения Директории и ее замене единоличной военной диктатурой – между В. Н. Пепеляевым и А. В. Колчаком была достигнута.

Имеется уникальный документ, содержащий наиболее полную и достоверную информацию о том, как был организован заговор против Директории, кто и на каких ролях участвовал в его осуществлении. Это написанное в середине апреля 1919 г. письмо бывшего исполняющего должность первого генерал-квартирмейстера Ставки Верховного главнокомандующего подполковника А. Д. Сыромятникова, который считал себя одним «из трех главных организаторов ноябрьского переворота» и отвечал

в нем за военную часть, министру финансов И. А. Михайлову. Содержание письма позволяет утверждать, что в интервале между 6 и 8 ноября состоялась встреча А. В. Колчака и И. А. Михайлова. Совершенно очевидно, что адмирал и министр финансов обсуждали примерный план переворота и кандидатуры его основных исполнителей.

Во всяком случае именно во время этой встречи были рассмотрены условия, на которых начальник Сибирской казачьей дивизии полковник В. И. Волков согласился осуществить арест эсеровской части Директории. Согласно данным, содержащимся в письме А. Д. Сыромятникова, за оказание этой услуги В. И. Волков потребовал произвести его в генерал-майоры. Такое обещание полковнику было дано [22]. Не трудно догадаться, что единственным, кто мог дать эту гарантию В. И. Волкову, являлся будущий военный диктатор. Здесь, правда, возникает вполне естественный вопрос о том, почему после достижения договоренностей с В. Н. Пепеляевым и И. А. Михайловым, в то время, когда осуществление заговора вступило в стадию его практического воплощения в жизнь, А. В. Колчак покинул Омск. Думается, однако, что ничего странного в таком поведении адмирала нет. Скорее наоборот, оно имеет вполне логическое объяснение и достаточное фактическое обоснование.

Прежде всего, не к лицу будущему диктатору самому заниматься «техническими деталями» переворота. Для решения таких задач всегда существуют другие люди, недостатка в которых, как правило, не бывает, если ситуация «назрела».

К тому же отъезд А. В. Колчака из Омска поставил под сомнение циркулировавшие по городу слухи о подготовке переворота с участием военного и морского министра, дезориентировал Директорию и позволил ей немного расслабиться, на десятилетия снял с адмирала всякие подозрения о его причастности к заговору. Напротив, присутствие в Омске А. В. Колчака с его невыдержанностью и агрессивностью могло только повредить делу, в котором у Михайлова, Волкова и К^о уже имелся достаточный опыт.

Наконец, заговорщикам необходимо было заручиться поддержкой фронтового командования, особенно возглавлявшего Чехословацкий корпус. В конце сентября 1918 г. во

⁹ *Дневник Пепеляева // Красные зори. 1923. № 4. С. 85.*

Владивостоке А. В. Колчак имел разговор с чешским генералом Р. Гайдой и нашел с ним общий язык по вопросу об установлении военной диктатуры. Причем, если верить Р. Гаюде, тогда Колчак «прямо заявил, что необходимо, чтобы я взял ее в свои руки» [19. С. 97]. В новой ситуации А. В. Колчаку предстояло продолжить разговор с честолюбивым чехом на тему о военной диктатуре, найдя верный тон, чтобы получить поддержку с его стороны и в то же время не обидеть генерала предложением роли актера второго плана. К тому времени Р. Гаюда немногим более месяца командовал Северо-Уральской (Екатеринбургской) группой Западного фронта, штаб которого находился в Екатеринбурге. Именно туда 9 ноября и отправился А. В. Колчак, вагон которого прицепили к поезду английского полковника Д. Уорда, следовавшего с ротой своих подчиненных в Екатеринбург. В Тюмени военный и морской министр сделал короткую остановку на вокзале, где был встречен военными властями и принял почетный караул, а затем продолжил путь в Екатеринбург¹⁰.

Воскресный день 10 ноября в Екатеринбурге был окрашен в особые, праздничные тона. С 10 часов утра на Монастырской площади города стали выстраиваться полки II Чехословацкой дивизии, несколько частей русских войск и рота только что прибывших англичан. Затем на площадь прибыли Р. Гаюда со штабом, командующий Западным фронтом генерал-майор Я. Сыровы, руководители отделения Чехословацкого национального совета в России, представители местной общественности и др. Предстояло торжественное освящение и вручение полкам II дивизии боевых знамен.

Руководство отделения Чехословацкого национального совета в России и Р. Гаюда заблаговременно направили всем членам Директории, а также П. П. Иванову-Ринову и А. В. Колчаку приглашения принять участие в намеченных на 10 ноября торжествах¹¹. Однако все члены Директории ограничились благодарностями за приглашение и отказались приехать в Екатеринбург, ссылаясь на неотложные дела. Председатель Со-

вета министров П. В. Вологодский отправил руководству отделения Чехословацкого национального совета поздравительную телеграмму и сообщил, что поручил представлять от Совета министров на торжествах уполномоченному С. С. Постникову¹². По сообщениям местной печати, С. С. Постников выступил на церемонии с поздравительной речью от имени Временного Всероссийского правительства. Что же касается А. В. Колчака, то его присутствие на Монастырской площади прессой отмечено не было. Но на устроенном в тот же вечер Чехословацким национальным советом банкете, затянувшимся далеко за полночь, А. В. Колчак был. По свидетельству одной из местных газет, банкет «прошел чрезвычайно оживленно. Шумные одобрения вызвали приветствия по адресу адм. Колчака и представителей союзных наций»¹³.

На следующий день состоялась беседа А. В. Колчака с сотрудником Чехословацкого агитационного отдела, широко переданная затем по каналам Чехословацкого телеграфного агентства и опубликованная многими газетами Урала и Сибири. Содержание беседы не дает основания считать, что адмирал глубоко понимал обсуждавшиеся проблемы. Скорее наоборот: оно свидетельствовало о его недостаточной осведомленности и компетентности в вопросах большой политики. Достаточно сослаться на заявление А. В. Колчака о том, что если «Германия будет окончательно побеждена, одновременно падет и советская Россия». Зато большая часть рассуждений А. В. Колчака – несмотря на то, что они не отличались оригинальностью, а повторяли многократно сказанное до него и выглядели просто банально – была посвящена заботе о судьбах России, звучала патриотично и в то же время как бы по-деловому. В частности, адмирал заявил, что его главные усилия теперь направлены «к созданию министерства и образованию сильной, здоровой армии, чуждой политики и способной спасти и возродить отечество»¹⁴.

В действительности А. В. Колчака волновали совсем иные проблемы. Об этом

¹⁰ Зауральский край (Екатеринбург). 1918. 12 нояб.; Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918 г. 13 нояб.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 2. Д. 78. Л. 25–26, 40, 42.

¹² Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 9 нояб.

¹³ Зауральский край. 1918. 12 нояб.

¹⁴ Уральская жизнь (Екатеринбург). 1918. 15 нояб.

убедительно свидетельствует содержание его первого конфиденциального разговора с Р. Гайдой, состоявшегося в тот же день в Екатеринбурге. Перед Р. Гайдой, в отличие от В. Н. Пепеляева, А. В. Колчаку не нужно было таиться и тем более рядиться в тогу демократа. Поэтому в центре их непродолжительной беседы сразу же оказался вопрос о судьбе Директории и о перспективах установления военной диктатуры. Оба собеседника признали Директорию «предприятием» искусственным и бесперспективным, а установление диктатуры – неизбежным.

Намного сложнее шло обсуждение вопроса о кандидатах в диктаторы и их шансах. А. В. Колчак вновь повторил свое суждение о том, что диктатором может стать только лицо, опирающееся на армию. Деликатность ситуации, однако, состояла в том, что оба хорошо помнили предложение, сделанное А. В. Колчаком Р. Гайде во Владивостоке. Несомненно, адмирал сознавал, что полтора месяца тому назад он поступил крайне опрометчиво. Но и Р. Гайда прекрасно понимал, что ему, иностранцу на русской службе, сейчас, когда адмирал занял в табели о рангах более высокую по сравнению с ним позицию, нет никаких шансов стать военным диктатором на освобожденной от большевиков территории России.

Последнее вовсе не означало, что честолюбивый чех не имел своих планов и не вел своей «игры». Р. Гайда был не прочь потеснить других военачальников на востоке России и «обойти» их в табели о рангах. Для этого он сделал точно рассчитанный и сильный «ход», заявив А. В. Колчаку о том, что казачьи круги имеют своих кандидатов в диктаторы и ведут соответствующую работу. «...Но я думаю, – заключил по этому вопросу генерал, – что казачьи круги не в состоянии справиться с этой задачей, потому что они слишком узко смотрят на этот вопрос»¹⁵. Не трудно понять, что данное заявление было направлено против командующего Сибирской армией П. П. Иванова-Ринова, одновременно являвшегося атаманом Сибирского казачьего войска. В его окружении действительно имелись люди, которые подталкивали командарма взять всю власть на востоке России в свои руки. Р. Гайда, исклю-

чив П. П. Иванова-Ринова из числа кандидатов в диктаторы, теперь мог рассчитывать на поддержку адмирала в борьбе против командования Сибирской армии, с которым у чеха был острый конфликт.

Главной мишенью для своего первого удара Р. Гайда выбрал ближайшего сотрудника П. П. Иванова-Ринова начальника штаба Сибирской армии П. П. Белова, имевшего немецкие корни и ранее носившего фамилию Виттекопф. А. В. Колчак принял условия Р. Гайды. В тот же день он отправил В. Г. Болдыреву телеграмму такого содержания: «Ознакомившись с материалами и убедившись из разговора с генералом Гайдой в антигосударственной деятельности генерала Белова, со своей стороны считаю отстранение генерала Белова для пользы русского дела необходимым» [16. С. 98]¹⁶.

Из первой беседы с А. В. Колчаком в Екатеринбурге Р. Гайда сделал два важных наблюдения, имевших принципиальное значение. Во-первых, чех отметил, что ее тема повторяла тему разговора, происходившего у него с А. В. Колчаком ранее во Владивостоке, «но только с той разницей, что на этот раз адмирал не предлагал такого ответственного места мне, но зондировал почву относительно себя». Во-вторых, Р. Гайда был уверен, что из их разговора А. В. Колчак понял главное: «я не буду стоять на его пути» [19. С. 98–99].

Видимо, тогда же А. В. Колчак имел встречу с руководством Екатеринбургской уездной земской управы и с уполномоченным Временного Всероссийского правительства на Урале С. С. Постниковым. О содержании бесед военного и морского министра с руководством земской управы и С. С. Постниковым можно судит по докладам, представленных ими 14 ноября 1918 г. на имя А. В. Колчака.

В первом случае речь шла об общем состоянии земских органов на Урале после его освобождения от большевиков и об их неотложных нуждах, во втором – главным образом о положении Уральской горнозаводской про-

¹⁵ *Архив русской революции*. М., 1991. Т. 10. С. 289.

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-10055. Оп. 2. Д. 7. Л. 1. В. Г. Болдырев не выдержал совместных ультиматумов Р. Гайды и А. В. Колчака и «сдал» П. П. Белова, правда, отчислив последнего в резерв Ставки по причине поданного рапорта.

мышленности. Земцы в основном ходатайствовали перед военным и морским министром о необходимости выдачи ссуд и пособий из государственной казны для преодоления финансовых затруднений, о немедленной отправке из Сибири маршрутов с хлебом для смягчения продовольственного кризиса, а также об оказании им правительственной поддержки в деле заготовки для армии белья, медикаментов и перевязочных средств.

Близкий к кадетам С. С. Постников главное внимание уделил проблемам управления уральской территорией. Он утверждал, что «местные правительственные органы, без опоры на центральную власть, не имеют ни силы, ни авторитета и или бездействуют или действуют вразброд». Возможность предотвращения дальнейшего развала управленческих структур на Урале С. С. Постников видел в назначении «такой военной власти, которой подчинились бы все гражданские»¹⁷. Просьба, исходившая от гражданского чиновника, имевшего статус уполномоченного правительства, не могла не обрадовать адмирала и не придать ему дополнительной уверенности в правоте задуманного предприятия.

12 ноября А. В. Колчак на импровизированном бронепоезде выехал на фронт, который проходил неподалеку от Кунгура. Наивно было бы думать, что министр добрался до передовой и общался с находившимися в окопах солдатами. В действительности дело ограничилось тем, что А. В. Колчак посетил штаб 1-го Средне-Сибирского корпуса, которым командовал генерал-майор А. Н. Пепеляев – младший брат В. Н. Пепеляева, и оперативную часть штаба 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Волновали же его отнюдь не вопросы, связанные с состоянием войск, а преимущественно отношение фронтовых командиров к Директории и к будущей военной диктатуре. «Я вынес впечатление, – утверждал позднее А. В. Колчак, – что армия относится отрицательно к Директории, по крайней мере в лице тех начальников, с которыми я говорил. Все совершенно определенно говорили, что только военная власть может теперь поправить дело...»¹⁸.

А для того чтобы все же показать русским войскам военного и морского министра

и привлечь дополнительное внимание печати к фигуре А. В. Колчака, видимо, тогда же родилась незамысловатая идея. Еще в конце лета 1918 г. из Москвы в Екатеринбург пробрались офицеры бывшего 3-го грендерского Перновского полка Русской армии подполковник Ю. А. Милуков, прапорщик А. А. Александрович и В. З. Коссополянский, которые с риском для жизни пронесли через фронт Георгиевское знамя полка. Это знамя они сразу же передали начальнику 7-й Уральской дивизии генерал-майору В. В. Голицыну [20. С. 114–119]. Было решено, что А. В. Колчак произведет торжественное вручение исторического знамени 3-го Перновского полка 28-му Ирбитско-Перновскому полку.

13 ноября в 10 часов утра на Монастырской площади были выстроены русские войска Екатеринбургского гарнизона. На торжественную церемонию прибыли Р. Гайда, генерал-инспектор чехословацких войск в России генерал-лейтенант В. Н. Шокоров, начальник 12-й Уральской стрелковой дивизии полковник Р. К. Бангерский, командир английского батальона полковник Д. Уорд, управляющий военным отделом Чехословацкого национального совета майор Р. Медек, другие лица командного состава и представители гражданских властей. После молебна А. В. Колчак вручил знамя командиру полка полковнику М. Н. Некрасову. Затем состоялся военный парад, который принимал также А. В. Колчак [21. С. 40]¹⁹.

В тот же день в Екатеринбурге состоялась вторая встреча А. В. Колчака с Р. Гайдой. По утверждению чешского генерала, с фронта «Колчак приехал с готовым уже решением, уже только для того, чтобы посоветоваться». Р. Гайда отказался участвовать в государственном перевороте, но пообещал А. В. Колчаку, что находившиеся на фронте войска Сибирской армии в этих событиях будут нейтральны. В принципе разговор носил настолько откровенный характер, что обсуждался даже вопрос о титуле будущего военного диктатора. Р. Гайда отрицательно отнесся к предложению А. В. Колчака именоваться после переворота «Верховным правителем», мотивируя свою позицию времен-

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 357. Л. 3–6, 11–12.

¹⁸ *Архив русской революции*. Т. 10. С. 290.

¹⁹ *Народная Сибирь* (Новониколаевск). 1918. 13 нояб.; *Уральская жизнь*. 1918. 15 нояб.

ным характером власти, и порекомендовал адмиралу ограничиться званием Верховного главнокомандующего с правами диктатора [19. С. 98–99].

Здесь же за обещанный нейтралитет Р. Гайда потребовал от А. В. Колчака дополнительную компенсацию, добиваясь смещения уже не только П. П. Белова, но и П. П. Иванова-Ринова. Адмирал был вынужден выполнить пожелание чеха. Утром 14 ноября из штаба Северо-Уральской группы он направил в Омск на имя В. Г. Болдырева пространную телеграмму: «14 ноября [в] 0-20 [мин.] получив сведения, что генерал Белов пытается противиться устранению его от должности и готовится на отъезд из Омска для продолжения интриг, считаю решительно необходимым и настаиваю в этом случае [на] аресте генерала Белова с препровождением его [в] Екатеринбург, также [на] устранении от должности генерала Иванова[-Ринова], чтобы разом покончить со всеми интригами, гибельно отражающимися на фронте»²⁰.

Достигнув необходимую договоренность с Р. Гайдой, А. В. Колчак вместе с Д. Уордом выехал в Челябинск, где находились штаб главнокомандующего армиями Западного фронта и отделение Чехословацкого национального совета в России. Здесь у него состоялись встречи с начальником штаба фронта генерал-майором М. К. Дитерихсом и руководством отделения, которые не обнадежили А. В. Колчака. Судя по последующей их реакции на совершившийся в Омске переворот, они были сторонниками Директории, и А. В. Колчак почувствовал бесполезность своего пребывания в Челябинске. Чтобы не усугублять ситуацию, адмирал заявил, что он выезжает на фронт. В действительности до фронта министр не доехал²¹. Скорее всего, 15 ноября А. В. Колчак получил от участвовавших в заговоре офицеров Ставки телеграмму о том, что В. Г. Болдырев планирует на следующий день покинуть Омск и отправиться на Уфимский фронт, где в районе Бугульмы и Бирска остатки Народной армии Самарского Комуча и Чехословацкого корпуса с трудом сдерживали наступление красных. С отъездом В. Г. Болдырева из Омска

складывалась исключительно благоприятная ситуация для осуществления задуманного переворота. Поэтому А. В. Колчак немедленно покинул Челябинск и по южной линии Транссибирской магистрали направился в Омск.

Между тем маховик заговора набирал обороты. Отвечавший за военную часть переворота подполковник А. Д. Сыромятников подобрал небольшую группу лично ему известных офицеров, ранее обучавшихся в Академии Генерального штаба и в начале ноября 1918 г. занимавших ключевые должности в Ставке, в штабах Сибирской армии и 2-го Степного Сибирского корпуса. В нее вошли капитаны И. А. Бафталовский, А. А. Буров, А. К. Гайко, Гриневиц (или Гриневский), А. Л. Симонов и Г. В. Щепин. Каждый из них получил конкретное задание, выполнение которых в совокупности должно было обеспечить арест эсеровской части Директории и Совета министров, информационную изоляцию В. Г. Болдырева, нейтрализацию командного состава и воинских частей Омского гарнизона, остававшихся верными Временному Всероссийскому правительству [22].

Имевшаяся в распоряжении Е. Ф. Роговского агентура, видимо, располагала какой-то информацией об организации заговора. Во всяком случае вечером 15 ноября 1918 г. в конце совместного заседания Директории и Совета министров, когда остались только члены Директории, Е. Ф. Роговский сделал сообщение о том, что «правыми» кругами готовится свержение правительства и замечено брожение в офицерской среде. Но, как свидетельствовал П. В. Вологодский, «директоры» к сообщению Е. Ф. Роговского «в общем отнеслись довольно спокойно», предложив ему «усилить разведки по этому предмету и принять некоторые меры предосторожности» [24. С. 116–117]. Такой инфантилизм Директории к, казалось бы, чрезвычайной информации не удивителен. Омск уже давно был настолько пропитан слухами о заговоре и государственном перевороте, что ощущение их реальности не только у рядовых обывателей, но и у членов правительства просто притупилось.

В огромной степени успеху заговорщиков способствовали также царившие в офицерской среде политические настроения, общая атмосфера вседозволенности и распушен-

²⁰ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

²¹ *Утро Сибири* (Челябинск). 1918. 17 нояб.; *Архив русской революции*. Т. 10. С. 290.

ности, пустившая глубокие корни в офицерском корпусе, и бессилие высшего командного состава.

Пожалуй, наиболее ярким проявлением установившихся «порядков» стал получивший широкую огласку и общественный резонанс инцидент, происшедший 13 ноября 1918 г. в зале омского гарнизонного собрания. По случаю прибытия в Омск французских войск здесь был устроен обед в честь французских офицеров. На обеде присутствовали высокие лица: с русской стороны – временно исполняющий должность командующего Сибирской армией генерал-майор А. Ф. Матковский, с французской стороны – посланник Э. Реньо и консул Неттеман, от американцев – консул Грей. После речей А. Ф. Матковского, Э. Реньо и Неттемана оркестр исполнил французский национальный гимн – Марсельезу, большинство же присутствовавших русских офицеров потребовало сыграть «Боже, царя храни!» и даже подпевала оркестру во время исполнения гимна бывшей Российской империи. Особенно вызываясь вел себя один из казачьих офицеров, которым оказался командир партизанского отряда войсковой старшина И. Н. Красильников. Когда после новых речей ситуация с исполнением обоих гимнов повторилась, А. Ф. Матковский и представители союзных держав в знак протеста покинули зал гарнизонного собрания [23. С. 464–465]²².

Директория и даже Совет министров больше не могли не реагировать на этот разгул женщины. 15 ноября 1918 г. Верховный главнокомандующий В. Г. Болдырев издал приказ № 36, в котором еще раз подтвердил позицию Временного Всероссийского правительства: «армия вне политики», а «всякое публичное выявление своих политических симпатий, в какую бы сторону они ни клонились, совершенно не допустимо со стороны представителей армии». Он решительно осудил инцидент в Омском гарнизонном собрании, квалифицировав его как «особенно недопустимый по своей безграничной бестактности и преступному легкомыслию со стороны лиц, являющихся виновниками этого случая». В. Г. Болдырев приказал А. Ф. Матковскому «произвести строжайшее расследование и определенно выяснить тех лиц, которые, забывая о достоинстве своей страны, не стесняясь дружеским

союзным представительством, демонстрируют публично свою безграничную распущенность, которой должен быть положен конец». Верховный главнокомандующий в корректной форме выразил свое недовольство поведением начальствующих лиц, присутствовавших на банкете, но не принявших мер для немедленного ареста и привлечения виновных к строжайшей ответственности, заявив, что в дальнейшем будет расценивать такое поведение как преступное бездействие власти. Приказ заканчивался жесткими словами: «Лица, сознательно или бессознательно вредящие созиданию здоровой дисциплины в армии и спокойному развитию возрождающейся государственности, должны быть немедленно устраняемы из рядов армии»²³.

В ночь на 16 ноября В. Г. Болдырев выехал на фронт. Уже в пути он узнал, что навстречу ему идет поезд Д. Уорда, в составе которого находится вагон А. В. Колчака. В. Г. Болдырев приказал военному министру подождать его в Петропавловске, если адмирал прибудет туда раньше. Но первым на станцию Петропавловск прибыл поезд В. Г. Болдырева. На вокзале Верховного главнокомандующего приветствовали представители местных военных властей. Затем прибыл поезд, в котором находился А. В. Колчак. Адмирал явился в вагон В. Г. Болдырева. Их беседа длилась около трех часов²⁴.

Министр доложил о своей поездке, в оптимистических тонах обрисовав состояние русских войск на фронте, вновь поставил вопрос о расширении его прав, поинтересовался положением в Омске, сославшись на отсутствие у него сведений оттуда. В свою очередь Верховный главнокомандующий сформулировал перечень того, что он считал возможным сделать в ответ на просьбу А. В. Колчака, дал ему ряд поручений, высказал обеспокоенность положением на Уфимском участке фронта и политической напряженностью в Омске, созданной главным образом казачьими кругами. Правда, в последнем случае В. Г. Болдырев выразил надежду на то, что все образуется.

А. В. Колчак начал беседу с Верховным главнокомандующим в агрессивной манере, заканчивалась же встреча вполне спокойно и даже доброжелательно. В. Г. Болдырев пригласил ад-

²² ГАРФ. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 36. Л. 2–3.

²³ Там же. Д. 20. Л. 100.

²⁴ *Единство* (Петропавловск). 1918. 19 нояб.

мирала пообедать с ним, на что тот ответил согласием. Компанию им составили сестра жены В. Г. Болдырева и врач местной детской колонии. По итогам этой встречи В. Г. Болдырев записал в своем дневнике: «Из длинного разговора с Колчаком я еще более убедился, как легко поддается он влиянию окружающих... Он уже соглашался с гибельностью и несвоевременностью каких бы то ни было переворотов. Он – или очень впечатлителен или хитрит». Доверчивый и простодушный В. Г. Болдырев больше склонялся к первому варианту. Поэтому, как он сам записал, после встречи с А. В. Колчаком «позволил себе редкое удовольствие – читать Оскара Уайльда» [16. С. 105].

Утром 17 ноября А. В. Колчак вернулся в Омск. Несмотря на воскресный день, адмирал отправился на службу – в военное министерство. Здесь он подписал малозначающий приказ № 14, информировавший о том, что главные управления артиллерии, инженерное, интендантское, военно-санитарное и военно-ветеринарное управления с настоящего числа нужно считать сформированными²⁵. Все остальное время у А. В. Колчака ушло на разговоры с непрерывно являвшимися к нему, несмотря на неприсутственный день, сотрудниками Ставки, морскими и казачьими офицерами, убеждавшими адмирала устранить Директорию и создать единоличную власть. Большинство этих посетителей, конечно, не было посвящено в заговор и поэтому искренне пыталось склонить А. В. Колчака осуществить переворот. В то же время нельзя исключить того, что среди воскресных собеседников будущего военного диктатора имелись прекрасно обо всем осведомленные люди, которые, зная психологическую неустойчивость адмирала, своими разговорами поддерживали его уверенность в успешном исходе заговора и тем самым как бы осуществляли контроль за поведением адмирала.

4 февраля 1920 г. в Иркутске на допросе в чрезвычайной следственной комиссии А. В. Колчак утверждал, что на уговоры офицеров взять власть в свои руки он реагировал отрицательно, подчеркивая, что находится на службе у Директории, в силу чего не считает возможным «предпринимать какие-нибудь шаги в том смысле, в каком вы говорите»²⁶.

Если А. В. Колчак на самом деле отвечал своим собеседникам подобным образом, то он, конечно, самым тривиальным образом их обманывал. Но неискренность адмирала совершенно понятна. Она носила вынужденный характер, поскольку А. В. Колчак был обязан соблюдать конспирацию. В действительности к тому времени решение об аресте председателя Директории Н. Д. Авксентьева, члена Директории В. М. Зензинова и товарища министра внутренних дел Е. Ф. Роговского уже было принято. Во всяком случае отвечавший за военную сторону переворота А. Д. Сыромятников днем 17 ноября отдал капитанам И. А. Бафталовскому и А. А. Бурову последние инструкции по выполнению плана переворота²⁷. Не подлежит сомнению, что А. Д. Сыромятников не мог действовать по своему усмотрению, без санкции адмирала, В. Н. Пепеляева или И. А. Михайлова.

Анализ поведения А. В. Колчака во время его пребывания на посту военного и морского министра позволяет утверждать, что он практически ничего не сделал для укрепления вооруженных сил Временного Всероссийского правительства. Однако адмирал достаточно успешно позиционировал себя в качестве сторонника твердой государственной власти и активно интриговал как против Директории, так и против потенциальных конкурентов в диктаторы. Главным же делом А. В. Колчака стало участие в заговоре против Директории, в котором адмирал очень четко и грамотно выполнял предназначенную ему роль, оставаясь вне всяких подозрений как у своих союзников, так и у противников.

Список литературы

1. *Прости, великий адмирал!..* (Эскиз к портрету Александра Васильевича Колчака). Барнаул, 1992.

2. *Богданов К. А.* Адмирал Колчак. СПб., 1993.

3. *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998.

4. *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак. Исследователь, адмирал, Верховный правитель. М., 2002.

5. *Краснов В. Г.* Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. М., 2000. Кн. 1–2.

²⁵ РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

²⁶ *Архив русской революции.* Т. 10. С. 291.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 242. Л. 5.

6. Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М., 2000.
7. Синюков В. В. Александр Васильевич Колчак: от исследователя Арктики до Верховного правителя России. М., 2004.
8. Верховный правитель России: Документы и материалы следственного дела адмирала А. В. Колчака. М., 2003.
9. Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004.
10. А. В. Колчак – ученый, адмирал, Верховный правитель России: исторические чтения, посвященные 130-летию со дня рождения А. В. Колчака. Омск, 2005.
11. За стеной Колчака. Документы и материалы. М., 2005.
12. Черкашин Н. А. Адмирал Колчак: диктатор поневоле. М., 2005.
13. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак, Верховный правитель России. М., 2006.
14. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006.
15. Рунов В., Португальский Р. Адмирал Колчак. М., 2007.
16. Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервью. Новониколаевск, 1925.
17. Серебренников И. И. Гражданская война в России: великий отход. М., 2003.
18. Шишкин В. И. Вице-адмирал А. В. Колчак (19 сентября – 4 ноября 1918 г.) // Россия в глобализирующемся мире: Сб. науч. ст. Архангельск, 2006.
19. Gajda R. Generál ruských legií. Moje paměti: Československá anabase. Zpět na Ural proti bolševikům. Admirál Kolčák [Praha] Vesmír, 1921.
20. Кручинин А. М. Под сенью старого знамени // Белая армия. Белое дело. 2000. № 8.
21. Кручинин А. М. От Уральских гор до Щегловской тайги: краткая история 7 Уральской дивизии горных стрелков // Белая армия. Белое дело. 2002. № 11.
22. Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота // Изв. Сиб. отделения Академии наук СССР. Серия: История, филология и философия. Новосибирск, 1989. Вып. 1.
23. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. М., 2004. Кн. 1.
24. Вологодский П. В. Во власти и изгнании: дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925). Рязань, 2006.

Материал поступил в редколлегию 20.10.2007